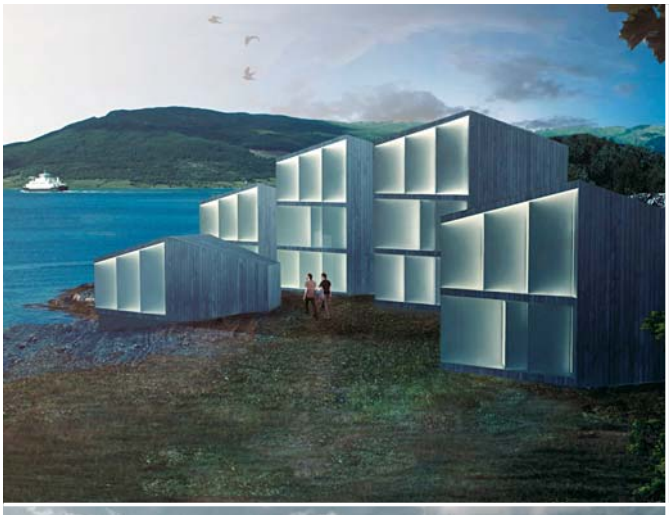


ОТ УТОПИЗМА К ЛОКАЛИЗМУ
Вручена премия им. Я.Г.Чернихова «Вызов времени»

Третьим лауреатом премии им. Якова Чернихова «Вызов времени» стало норвежское бюро Fantastic Norway в лице Хакона Матре Аасарёда и Эрленда Блэкстэда Хаффнера.

За три прошедших сессии количество соискателей премии заметно увеличилось – с 55 до 135, появилось больше российских архитекторов.

Врученная в предыдущие два раза утопистам, на этот раз премия досталась куда более практичным архитекторам.

Они расширили традиционный архитектурный инструментарий, включив в него небольшой красный микроавтобус, на котором колесят по стране, готовя свою архитектурную телепередачу и напрямую общаясь с сообществами тех районов, где собираются проектировать.

Это практически прямой ответ на «заказ» Стефано Боери, куратора третьей сессии премии, объявившего в своем манифесте важность локализма и регионализма, но не как продолжения традиционности, а как реакцию на конкретный контекст. «Современная архитектура не может стать эсперанто, отменяющим географические отличия, или представлять собой комбинацию диалектов, отказываясь от взаимодействия с миром», - заявляет С.Боери.

«Каждый клиент отличен, каждое место своеобразно. Цель Fantastic Norway – учесть эти факты, выявив их в общении, чтобы потом выразить в архитектуре», – отвечают норвежцы.

На пресс-конференции выяснилось, что основным конкурентом победителям был россиянин Никита Асадов. Его в своей текстовой части манифест тоже вполне отвечал чаяниям С.Боери, однако представленный визуальный ряд выглядит куда более концептуальным, бумажным. В этом россиянин ближе к предыдущим лауреатам – Аурели и Исигами, чем нынешние.

Однако жюри, по всей видимости, учло все же название конкурса и выбрало именно тот проект, который отвечает сегодняшнему вызову времени. Количество красивых концептуальных проектов за время кризиса сильно выросло – в силу сокращения реального заказа. Поэтому логично вывести сейчас на сцену пока не окрепший социальный запрос на коммуникацию между архитекторами и «потребителями» их работ. При этом лауреатов 2010 г. нельзя обвинить в отсутствии романтики, просто они ближе тем, кто перевозил в 1960-е гг. деревянные церкви Севера в специальные заповедники, чем к тем, кто ездил порисовать, как они живописно разрушаются.

Ну а у Н.Асадова до 44 лет будет еще много возможностей получить эту премию. Например, Алехандро Аравена попал в список соискателей уже во второй раз.

В десятку лучших работ вошли:

[1] Никита Асадов, Россия.

[2] Jean-Christophe Quinton, Quinton-architect, Франция.

[3] Alejandro Aravena, Чили.

[4] Ronald Rietveld, Нидерланды.

[5] Paisajes Emergentes, Edgar Mazo, Sebastian Mei?a, Luis Callejas, Коломбия.

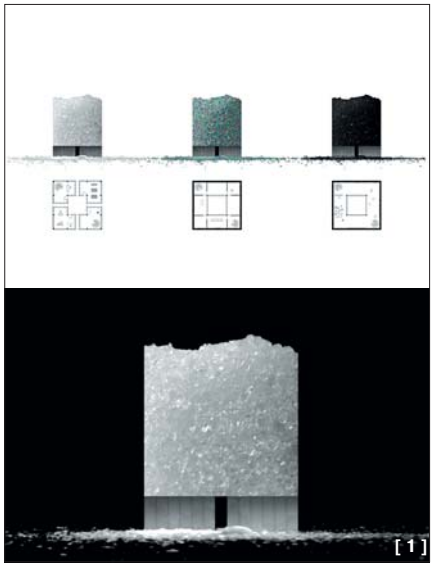
[6] L.E.F.T, Makram El Kadi, США.

[7] Standardarchitecture, Zhang Ke, Zhang Hong, Claudia Taborda, Китай.

[8] Decolonizing Architecture, Alessandro Petti, Sandi Hilal, Eyal Weizman, Израиль.

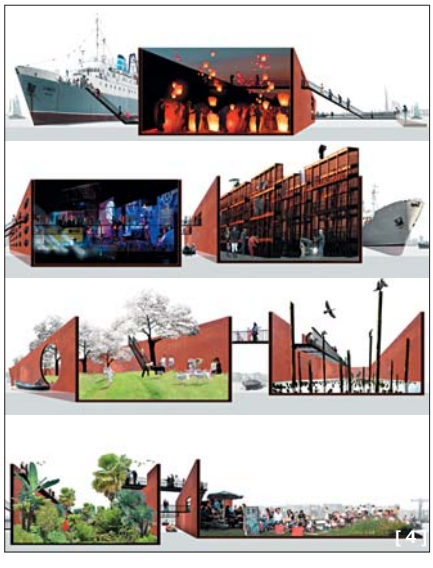
[9] Feld 72, Anne Catherine Fleith, Michael Obrist, Mario Paintner, Richard Scheich, Peter Zoderer, Австрия.

Мария Фадеева

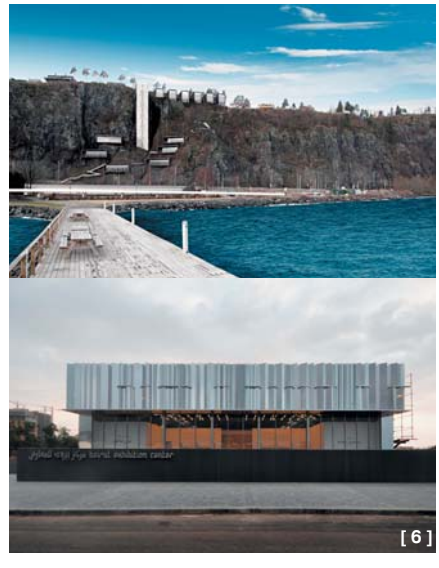

[1]

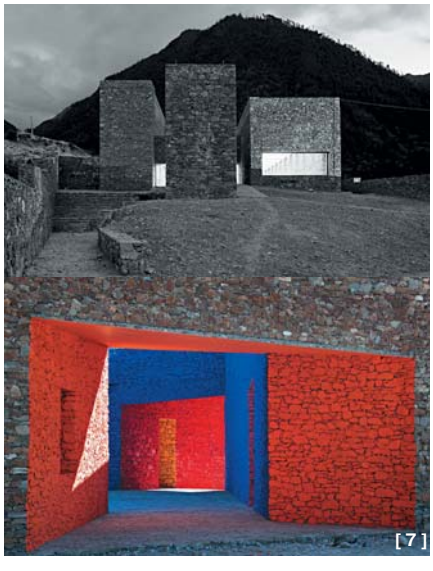
[2]

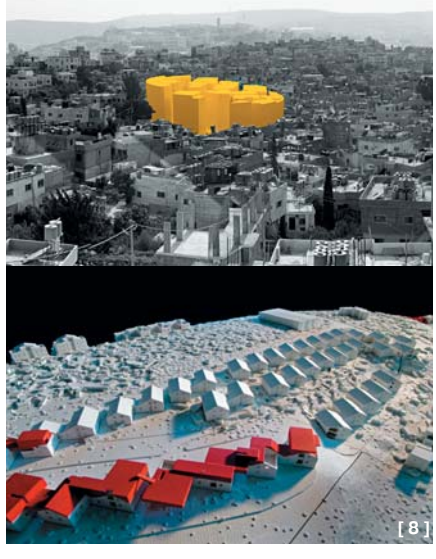
[3]


[4]

[5]

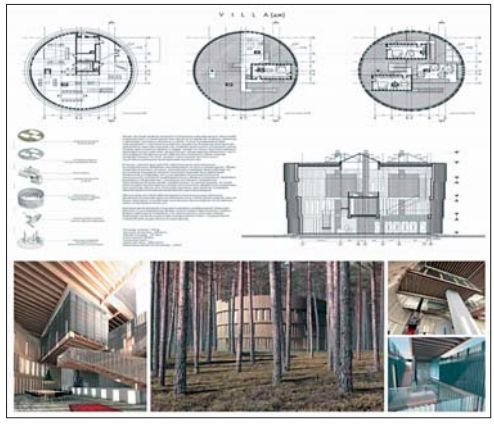

[6]


[7]


[8]

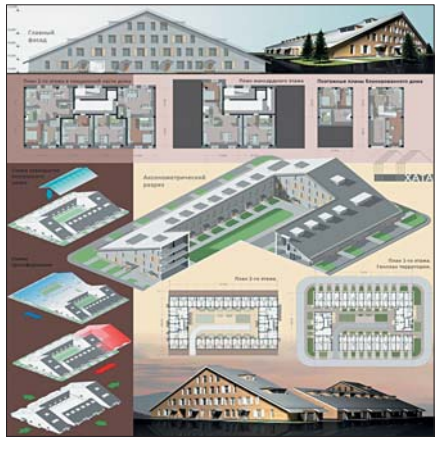
[9]

Победитель в номинации «Деревянный дом будущего».
Проект «XVOYAдом». Архит. С.Шавман.



Победитель в номинации «Индивидуальный деревянный дом категории «Премиум».
Проект «VILLA(дж)». Архит. А.Рябский, Д.Барьюдин.

Победитель в номинации «Индивидуальный деревянный дом категории «Эконом».
Проект «Индивидуальный дом-оранжерея». Архит. В Пермяков.



Победитель в номинации «Малоквартирный деревянный дом».
Проект «Малоквартирный дом «Хата». Архит. С.Марков, А.Афоничкин, А.Орлов.

В НАПРАВЛЕНИИ ПОСТПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ
По итогам конкурса «Пермский деревянный дом»

В конце января были подведены итоги всероссийского архитектурного конкурса «Пермский деревянный дом», организованного Пермским центром развития дизайна при поддержке краевого Министерства промышленности, науки и инноваций и компании ООО «Росса Раккене Сиб.».

Цель конкурса – формирование банка эскизных архитектурных проектов индивидуальных и малоквартирных домов Пермского края. Причем важно подчеркнуть, что организаторы ставили перед собой и другую амбициозную задачу, рассчитывая на вероятное применение разработанных проектов и последующий опыт строительства за пределами региона.

Были предусмотрены четыре номинации: «Деревянный дом будущего», «Индивидуальный деревянный дом категории «Премиум», «Индивидуальный деревянный дом категории «Эконом» и «Малоквартирный деревянный дом».

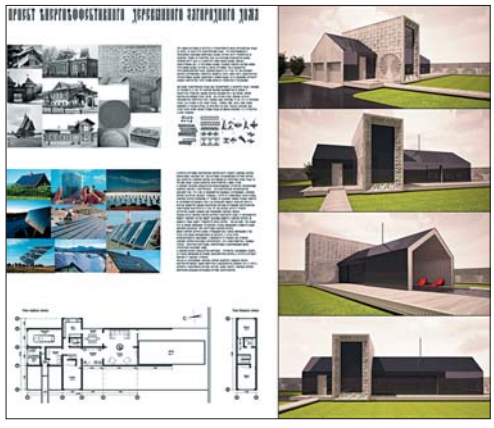
Всего на конкурс поступило 86 проектов. Как выяснилось, разделение на жилье будущего, премиум- и эконом-класса носило, в общем, условный характер – многие из работ могли бы легко перекочевать в одну из соседних номинаций. К сожалению, последний, четвертый раздел – на наш взгляд, наиболее перспективный в силу своей социальной ориентированности и новизны, если говорить о современной отечественной практике проектирования и строительства – количественно явно уступал первым трем, связанным с индивидуальным жильем.

Неожиданностью для меня как члена жюри стало наличие практически в каждой из номинаций довольно острого соперничества: как минимум, четыре-пять проектов демонстрировали достаточно приличный уровень и по праву претендовали на первое место. Причем лидеры представляли различные регионы – помимо Москвы и Перми это и Санкт-Петербург, и Углич, и Волгоград, и Магнитогорск.

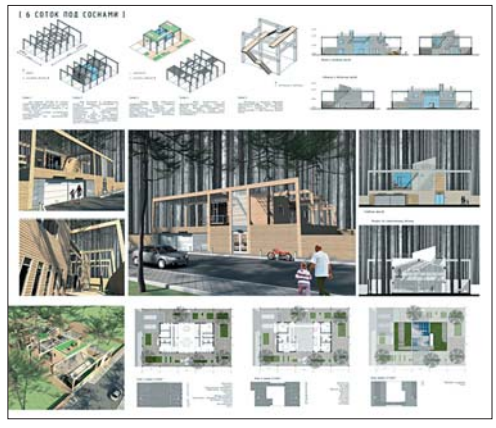
Впрочем, отечественная специфика – имеется в виду качественный разброс – не могла не проявиться и в рамках рецензируемого конкурса. Очевидно, это непреодолимо – по крайней мере, в обозримом будущем.

Из основных трендов выделим следующие. Прежде всего, обращает на себя внимание поворот к зеленому строительству. Во многих проектах – особенно в футурологической номинации – прорабатывались вопросы сбора и утилизации дождевой воды и – с особым тщанием – энергосбережения: от сугубо архитектурно-планировочных средств до инженерно-технических устройств (гелиосистем, ветрогенераторов, термальных источников электроэнергии и др.). Пример – победитель в номинации «Деревянный дом будущего» проект «XVOYAдом» С.Шавмана, Углич, который апробировал и концентрированно задействовал едва ли не все вышеперечисленные технологии.

Другая тенденция – использование дерева в его различных ипостасях: от бревна до бруса, в том числе клееного, от доски до вагонки, от хвороста и обрезков древесины до опилок в качестве утеплителя (разумеется, с соответствующими пропитками). Причем есть предложения и не вполне традиционного применения дерева – в том числе, конструктивного, как это имеет место в случае «вертикального сруба» – образующих периметр дома поставленных напопа бревен – в проекте-победителе «VILLA(дж)» А.Рябского и Д.Барьюдина, Москва в номинации «Индивидуальный жилой дом категории «Премиум».



Номинация «Деревянный дом будущего». Проект «Энергоэффективный деревянный загородный дом». Поощрительная премия. Архит. А.Белицкий.



Номинация «Индивидуальный деревянный дом категории «Премиум». Проект «6 соток под соснами». Поощрительная премия. Архит. В.Подолякин.

Номинация «Индивидуальный деревянный дом категории «Эконом». Поощрительная премия. Студент VI курса ПГТУ Д.Меркушев.

Номинация «Малоквартирный деревянный дом». Проект «Дом в квадрате». Поощрительная премия. Архит. В.Загребельный.

Нельзя не указать на исключительный стилистический разброс – от минимализма и неомодернизма до качественных и не очень стилизаций под русские терема, неоклассические усадьбы, особняки модерна и даже японские пагоды. Это, как кажется, извечная наша особенность, не исключено, что получившая дополнительный импульс вследствие отмечаемого социологами роста антиномичности общественного сознания в ответ на развивающийся мировой кризис.

Наконец, хочется отметить в качестве пробивающегося тренда в рамках раздела малоквартирных деревянных домов урбанистический подход, взгляд на жилую единицу как составную часть градостроительного целого. Оба лауреата: «Хата» (С.Марков, А.Афоничкин, А.Орлов, Москва) и «Дом в квадрате» (В.Загребельный, Магнитогорск) – это дома-кварталы, помимо продуманной типологической основы внимательно относящиеся к социально-пространственному и социокультурному аспектам. Речь идет о довольно тщательно разработанных сценариях использования внутреннего двора в качестве фокуса коммунальной жизни. Вот только не утратил ли в наше время двор свою исконную роль общественного интегратора, на что все чаще указывают специалисты?

Несколько слов о том, что стоит на пути деревянного домостроения. Принципиальный барьер – устаревшие нормативные ограничения, прежде всего – противопожарные. Если их и можно преодолеть – имеется в виду сложившееся положение дел, то чисто волюнтаристским образом – задействуя административный ресурс заинтересованного заказчика. В столице подобные отрадные случаи известны и связаны они именно с неравнодушием и пробивными качествами конкретных руководителей, примером чего могут служить объекты УЭЗа.

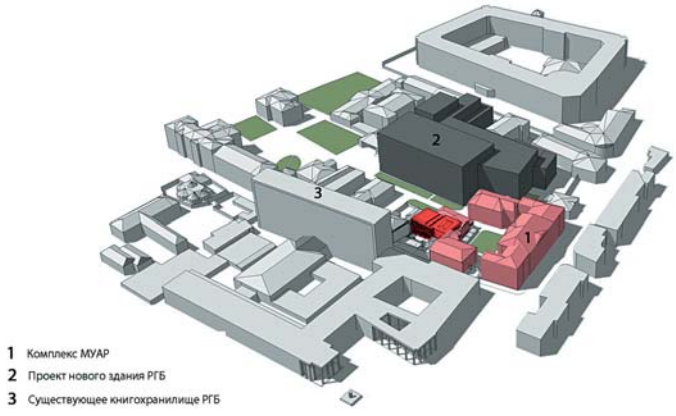
Другое противопоказание имеет социально-психологическую природу: общим местом стало представление о том, что бо'льшая часть населения еще воспринимает деревянный дом как второе, но никак не первое жилище, в этом случае однозначно ассоциирующееся с бедностью, архаикой, уходящим в прошлое бытовым укладом. Однако на итоговой пресс-конференции были озвучены результаты недавно проведенных социологических исследований по Пермскому краю, согласно которым 85% (!) граждан предпочло бы жить в деревянном доме. На минуточку, это больше, чем в скандинавских странах, если, конечно, принять, что данный опрос проводился корректно. В любом случае повороту в направлении деревянного домостроения не может не сопутствовать реабилитация и изменение отношения к исторической деревянной застройке, несмотря на прессинг и утраты последних десятилетий, составляющей значимый фонд российских – в особенности малых и средних – городов.

Так или иначе, состоявшийся конкурс, который организаторы подумывают сделать регулярным, можно рассматривать в качестве шага в направлении нового – постпотребительского – формата архитектуры. И быть может, самый главный индикатор происходящего исторического слома – разбавленность номинации «Премиум» совсем иными – вполне вменяемыми – объектами с соответствующими площадями и наружностью.

Что касается интернетовских споров относительно того, в чем же состоит специфика именно пермского дома, вряд ли они способны привести к какому-либо конструктиву. Как, скажем, и в последнее время подзатихшая дискуссия вокруг московского стиля. Наверное, нет смысла напряженно всматриваться в подобные умозрительные абстракции, пытаясь уловить проблески мысли...

Подробную информацию см. : www. Permderevo.ru

Дмитрий Фесенко



Концепция развития Музея.

Аварийное состояние зданий.

Ирина Коробьина – о стратегии врастания музея в город

Интервью с директором МУАРа

Без малого год назад на должность директора Музея архитектуры им. Щусева была назначена Ирина Коробьина. Редакция журнала «АВ» обратилась к ней с просьбой рассказать о настоящем и будущем Музея, программе реконструкции и развития, а также реальных предпосылках ее реализации.

С момента вашего назначения на должность директора МУАРа прошел почти год. Со сменой руководства, как правило, корректируется концепция развития музея. Обычно преемственность и привносимые инновации находятся в динамической взаимосвязи. Как дело обстоит в данном случае?

И.Коробьина. На этот вопрос ответить сложно, потому что никакой сформулированной концепции развития Музея Давид не оставил. Думаю, она была в его голове. Догадываюсь, что он делал ставку на яркие выставочные проекты и на расширение сферы влияния музея, в том числе в международном культурном пространстве. Естественно, эти направления мы считаем крайне важными и прилагаем много усилий для их продвижения.

На фестивале «Зодчество» мы впервые представили общественному вниманию концепцию развития Музея архитектуры, сформулированную нами в первой редакции в сотрудничестве с бюро Проект Меганом, разработавшим ее архитектурную часть. Думаю, что Музей, требующий срочного реставрационно-реконструктивного вмешательства, необходимо преобразовать в новое качество. Он должен не только оставаться местом хранения и изучения наследия, оплотом борьбы против его уничтожения, но и стать пространством развития архитектурной мысли, что напрямую связано с научно-исследовательской и образовательной деятельностью. Музей предназначен и для профессионалов, и для самых широких кругов общества. Разворот общественного сознания к архитектурной и градостроительной проблематике – одна из наших главных задач.

Государственный научно-исследовательский музей архитектуры готов взять на себя роль методического и идеологического центра целой сети домов-музеев Москвы. В том числе: Дом Шехтеля на Садовой, Дом Мельникова в Кривоарбатском, Мельниковский гараж на Новорязанской улице и другие памятники конструктивизма, которые по-прежнему остаются в плачевном состоянии. Если они станут филиалами музея, мы приведем их в порядок и разместим в них потрясающе интересные материалы из наших фондов. Уверена, такие реинкарнации значительно повысят тонус столичной культурной жизни и репутацию города в мировом сообществе. Рассматриваем и возможность партнерских отношений, например, с народным музеем Метро на станции Спортивная, который, с нашими материалами и финансовыми возможностями Метрополитена, можно превратить в интереснейшее и притягательное место.

Среди многочисленных проблем Музея – от хранения фондов с соблюдением современных технических норм до низкой заработной платы сотрудников – наиболее остро стоит вопрос реконструкции и развития музейного комплекса. Разработке ТЗ и собственно проектированию, вероятно, должно предшествовать разрешение имущественных проблем? Возможно ли совмещение реконструктивной деятельности и музейной активности?

И.К. К сожалению, разрешение земельно-имущественных проблем быстрым не бывает. Так что у нас будет достаточно времени, чтобы проявить музейную активность. Так, мы решили, не теряя времени, уже этой осенью открыть для обозрения легендарную модель Большого Кремлевского дворца В.Баженова. Но когда реконструктивная деятельность начнется, надеюсь, будет возможно выстроить логистику проведения всех необходимых мероприятий, таким образом, чтобы Музей не впал в анабиоз. В проекте Ю.Григоряна, кстати, процессы реализации разбиты на этапы, позволяющие Музею жить если не на всю катушку, то, по крайней мере, так, чтобы путь к нему не был забыт.

В одном из интервью вы упомянули, что планируете создать постоянную экспозицию. Скорее всего, на имеющихся площадях это затруднительно? Кроме того, архивы музея по большей части состоят из графических работ. Не станет ли это известной помехой созданию постоянной экспозиции, ведь бумага имеет свойство выгорать на свету?

И.К. Что касается бумаги, есть множество музейных технологий, решающих эту проблему – от размещения в экспозиции копий, под стеклом

На сегодняшний день в Музее отсутствуют условия хранения экспонатов.

Художественный металл. Более трехсот экспонатов.

Фрески Троицкого собора Троицко-Макарьевского монастыря, г. Калязина, середина XVII в.

практически неотличимых от оригиналов, до оснащения выставочных пространств специальной щадящей подсветкой. Кроме того, в нашей коллекции, помимо графики, богатейшее собрание архитектурных моделей, живописи, мебели, тканей, металла и пр. Проблема заключается совсем в другом. Под постоянную экспозицию мы планируем приспособить главный дом усадьбы Талызиных. Для этого здание, являющееся памятником федерального значения, нужно привести в порядок в режиме научной реставрации. Чтобы начать этот процесс, требуется переместить куда-то коллекцию, то есть изыскать ресурс для создания депозитария. Мы уже ведем переговоры с нашими соседями, Библиотекой им. Ленина. Проект нового книгохранилища РГБ утвержден к строительству на соседнем с нами участке, там, где сегодня находятся «кремлевские поливалки». Если из 200 000 кв.м, которые планируется здесь построить, нам передадут хотя бы 5000, хотя бы в подземном пространстве, проблема будет решена! На этой площади мы создадим прекрасные условия для хранения наших бесценных экспонатов. Бюро Проект Меганом разработало инициативный проект создания небольшого музейного объема на месте двух снесенных строений 1930-х гг. в соседнем с нами дворике по Старовaганьковскому переулку. Небольшое строение, по форме и параметрам повторяющее эти самовольно разрушенные в 1990-е гг. объекты, также облегчит решение жизненно важных для Музея проблем. Характерно, что в архиве «Моспроекта-2» им. М.В.Посохина мы обнаружили проект реконструкции нашего Музея со строительством нового депозитария именно здесь. Так что проект Ю.Григоряна олицетворяет историческую преемственность. Еще не умерла надежда, что власти осознают стратегическую важность развития Музея архитектуры для российской культуры и примут решение о передаче окружающих Музей строений под развитие культурной деятельности. В настоящее время все они арендованы до 2020 г. А фрагмент Аптекарского приказа, исторически и пространственно принадлежащий Талызинской усадьбе и в последние годы арендованный организацией с загадочным названием Криогенмонтаж, недавно переведен в частную собственность.

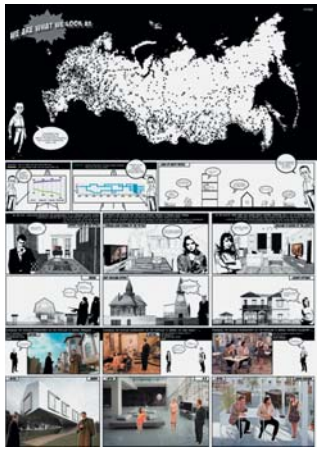
В Музее хранятся ценнейшие материалы, которые могли бы стать серьезным источником дохода. Сейчас нет возможности зарабатывать деньги из-за устаревших систем каталогизации и оплаты. Планируется ли сделать архивы более доступными, опираясь, к примеру, на возможности интернета? Очевидно, сайт МУАРа тоже нуждается в реконструкции. Это выглядит более посильным – по крайней мере, в обозримые сроки?

И.К. Да, конечно, мы – обладатели богатейшего архива и бесценных фондов. Это и обмеры памятников архитектуры, и огромная фототека – фотографии и негативы разных лет от первых дагерротипов до цифровой съемки новейшего времени, широчайшего типологического, временного и географического охвата, и личные архивы выдающихся архитекторов и исследователей, и собрание редчайших книг, многие из которых мы сейчас переводим в статус объектов хранения. Я уж не говорю о гравюрах, картах, документах... Отдельного внимания заслуживает видео-архив, который мы начали формировать еще в Ц:СА, а теперь соединили с собранием архитектурно-строительной кинохроники советского времени, хранящейся в Музее. Все это находится в непрерывном и бесконечном процессе аннотирования, каталогизации, научной обработки.
Наш Музей сегодня, так же как и многие музеи страны, встал на путь компьютеризации. Мы приобрели универсальную музейную программу КАМИС, позволяющую оптимизировать контроль и учет коллекции. Сейчас эта база, в основном, текстовая, но мы уже готовы загружать изображения. За годы работы удалось отсканировать более 100 000 единиц хранения. В перспективе из этого будет сформирован виртуальный музей. Также можно будет наладить продажу права публикации цифровых изображений нашей коллекции через сайт Музея, как это делается во всем мире, что, конечно же, требует времени и выяснения правовой базы в области, пока не столь освоенной в нашей стране. В обозримые сроки, надеюсь, уложимся.

В советское время в Музее развивалась научно-исследовательская деятельность, работал лекторий. Насколько реально возродить эти традиции?

И.К. Эти традиции никогда не прерывались. Научно-исследовательская работа идет непрерывно. Сотрудники Музея ведут собственные научные изыскания и консультируют многочисленных посетителей. Нет возможности публиковать и даже систематизировать все наработки – их слишком много, но мы стремимся к тому, чтобы сотрудники Музея участвовали в научных конференциях, издавали собственные труды. Музей за последние годы выпустил ряд научно-популярных изданий, пользующихся повышенным интересом. Их авторы, сотрудники музея – И.Чепкунова, Т.Дудина, М.Аметова, М.Рогозина и др., а также ведущие искусствоведы и критики страны, в том числе Г.Ревзин и В.Седов.

Проект 115088.



Проект 141930.

Проект 322332.

Конкурс Ц:СА
«Пространство современной архитектуры».

Проект 115088.
1 место.
«Window to Russia».
Максим Малеин.

Проект 141930.
2 место.
«We are what we look at».
Анастасия Грицкова и Татьяна Лешихина.

Проект 322332.
3 место.
«Active Neighbourhoods».
Наталья Сухова и Юстус Вуншик.

Лекторий временно прекратил работу в связи с тем, что В.Резвин, который многие годы занимался его организацией, решил уйти на пенсию. Но уже с ноября в дополнение к лекциям и мастер-классам, сопровождающим выставочные проекты Музея, проводятся лекции по истории архитектуры в привычном формате лектория.
Мы приглашаем современных зарубежных архитекторов и исследователей. Недавно прошла презентация Центра дизайна и геополитики Калифорнийского Института телекоммуникаций и информационных технологий в Сан-Диего в виде встречи с его директором Бенджаменом Браттоном. Ранее состоялось знакомство с деятельностью Барселонского Института Архитектуры, прозвучали лекции, посвященные стратегиям развития Барселоны и проблемам градостроительства в Испании. С большим успехом прошли мастер-классы по искусству наборного шрифта, которые вели дизайнеры и педагоги из компании «ПараТайп» и многое другое.

Вы ставите целью объединение ЦСА с Музеем. ЦСА нацелен на аналитику настоящего и прочерчивание перспектив будущего архитектуры, тогда как Музей сосредоточен на систематизации истории и представлении архитектурной истории прошлого архитектуры. Каким вам видится совмещение этих двух векторов? Фестиваль, приуроченный к 10-летию Центра, является шагом в этом направлении?
И.К. Будущее никогда не появляется на пустом месте, оно вырастает из прошлого. Никакие прогнозы невозможно построить вне исторического контекста. Изучение прошлого необходимо и для осмысления нашей культурной идентичности, и для моделирования будущего. Очевидно, это главный гарант непреходящей ценности наследия.
Думаю, объединение двух ресурсов – гигантского и бесценного в виде музейных фондов и скромного, но эффективного ресурса Ц:СА, сотрудничающего с ведущими архитектурными центрами мира и занимающегося генерированием новых форм архитектурной жизни, поможет быстрее достигнуть качественной трансформации, к которой стремится Музей.
Действительно, в «марафонской программе» событий, посвященных десятилетию Ц:СА, я попыталась заявить новые форматы деятельности, которых прежде не было в МУАРе. Это и Фестиваль архитектурных фильмов, который проходил в Музее в начале декабря. Его гостями стали представители аналогичных фестивалей из Голландии, Италии, США. Фестиваль наглядно продемонстрировал преимущества внедрения опыта и наработок Ц:СА в музейную деятельность, иначе говоря, закон синергии в действии.
Был объявлен концептуальный конкурс с международным участием, посвященный больному вопросу – как превратить Россию в пространство современной архитектуры. Условие одно –пространство должно охватить всю территорию страны с ее полями, лесами, горами и долинами. В рамках фестиваля были объявлены победители конкурса. Первое место получил проект М.Малеина, второе – А.Грицковой и Т.Лешихиной, третье место присудили Н.Суховой и Ю.Вуншику. Победители были приглашены к участию в выставке «Ц:СА:10 – Центру современной архитектуры 10 лет» в Музее архитектуры им. Щусева. Специальные премии от Высшей школы архитектуры в Дессау получили работы Э.Хаймана, К.Шевченко, Е.Клетской.

Не раз высказывалась мысль о том, что Музей архитектуры – вкупе с Музеями Кремля и Музеем им. А.С.Пушкина – мог бы стать одним из центров художественной жизни столицы и страны в целом. Каковы предпосылки такого союза?
И.К. Они очевидны. Расположение этих важнейших центров культуры в пешеходной доступности друг от друга позволят толпам туристов познакомиться с удивительнейшей моделью Большого Кремлевского Дворца, спроектированного Василием Баженовым по заказу Екатерины II на месте Кремлевских стен. Связь нашего Музея с Музеями Кремля могла бы представлять собой пешеходный пассаж с наземной и подземной частью. Подземный переход, ведущий от Воздвиженки к Александровскому саду, можно превратить в великолепное пространство, наподобие подземного Лувра, соединенного с выходом из метро. Вместо самсы и чебуреков там гораздо уместнее создать культурное пространство, посвященное российской архитектуре с книжными и дизайнерскими магазинами, с информацией для туристов, с информбоксом по современному развитию столицы, с литературой и мультимедийными изданиями по архитектуре и истории Москвы, сувенирами высокого культурного и дизайнерского качества...
Предлагаемая нами стратегия врастания Музея в город превратит Староваганьковский переулок в пешеходную ось, соединяющую нас с Румянцевским музеем и Музейным кварталом, который сейчас формируется вокруг ГМИИ им. Пушкина. На нее можно нанизать музейные дворики, которые мы готовы оформить нашими артефактами. Ожидается, что начало строительства книгохранилища РГБ на Воздвиженке будет отмечено археологической сенсацией, ведь некогда здесь был Крестовоздвиженский монастырь. Его фундаменты и подвалы можно превратить в музей под открытым небом.
Идея музейного кластера напрашивается сама собой. После долгих лет эксплуатации московского центра всякими торгово-рекламными точками для извлечения профита с каждого квадратного метра драгоценной территории у стен Кремля есть шанс создать осмысленную качественную среду высокого культурного уровня и статуса. В долгосрочной перспективе она значительно стимулирует экономический рост, ведь капитализация культурной репутации города является одним из основных условий инвестиционной привлекательности столицы и страны.

Материал подготовила
Алла Павликова

Выставка музея МАрхИ.

Выставка в Аптекарском приказе Музея архитектуры им. А.В. Щусева.

ПОКОЛЕНИЕ ВХУТЕМАСА К 90-ЛЕТИЮ

Знаменитая архитектурно-художественная школа, прославившая на весь мир советский архитектурный авангард – ВХУТЕМАС – в ноябре отмечала 90-летний юбилей. Наследники института, главным образом МАрхИ, а также НИИТАГ РААСН, МГХПА им. С.Г. Строганова, МГТУ им. Косыгина, и других учебных заведений отметили знаменательную дату масштабным фестивалем «Пространство ВХУТЕМАС 2010», в рамках которого прошли несколько выставок, большая конференция, кинопоказы и многое другое.

ВХУТЕМАС и советский архитектурный авангард – явления почти одновременные: легендарный вуз возник на базе Первых и Вторых СГХМ (Свободных государственно-художественных мастерских), заменивших собой Строгановское училище и Училище живописи, ваяния и зодчества, в 1920 г. Примерно к этому же времени из «левого искусства» выкристаллизовывается авангардная архитектура: в 1919 г. Владимир Татлин создает свою знаменитую башню, а Эль Лисицкий – «проуны», или «пересадочные станции от живописи к архитектуре». Теоретически новая архитектура оформляется именно в недрах ВХУТЕМАСа к середине 1920-х гг.

В те годы Высшие художественно-технические мастерские были практически единственным источником авангардных идей всех направлений искусства. Подобно тому, как пролетарии разных стран соединялись в едином революционном порыве, все пролетарское искусство разом сплотилось в одном институте. Причем речь не только о «левых» его направлениях: наряду с «производственниками» – В.Татлиным, Л.Поповой, А.Родченко, конструктивистами М.Гинзбургом и братьями Весниными, рационалистом Н.Ладовским, во ВХУТЕМАСе преподавали А.Щусев и Ф.Шехтель, наследник Серебряного века художник В.Фаворский и уж совсем не пролетарский философ П.Флоренский. Стоит отметить, что демократичным тут был и состав самих студентов: их принимали без экзаменов. Естественно, одного только энтузиазма вряд ли бы хватило, чтобы поколение 1920-х запомнилось в истории своим феноменальным творческим порывом и целым рядом до сих пор непревзойденных проектов. Во многом его сформировали новые методики обучения, самыми ценными из которых до сих пор являются уникальные пропедевтические, т.е. вводные курсы. Они были общими для всех факультетов. Предметы «цвет», «масса», «конструкция» вели Л.Попова и Н.Ладовский, Г.Клуцис и А.Родченко и др. Разнообразию этих методик была посвящена выставка в галерее ВХУТЕМАС, на которой музей МАрхИ впервые широко представил свою коллекцию студенческих работ 1920-х гг. – дипломов, чертежей, отмывок, коллажей, в основном переданных в дар семьями бывших вхутемасовцев. Экспозиция, сделанная тафом во главе с А.Ермолаевым, воссоздает учебный процесс прославленной школы, разделяя материалы по факультетам – «чистого» искусства (архфака, живфака, скульптфака), прикладного (текстильфака) и «производственного» (полиграффака). Среди них самое значительное наследие оставили, бесспорно, архитекторы.

На первом этапе вес «академического» и «левого» направлений в архитектуре (и в изобразительном искусстве) был почти равнозначен: так, на выставке демонстрируются неоклассические штудии мастерской А.Щусева рядом, например, с конструктивистскими проектами учеников А.Веснина, вроде Курортной гостиницы в Мацесте К.Афанасьева. Однако в таком содружестве ВХУТЕМАС протянул лишь до 1926 года. Конфликт между ректором В.Фаворским и «производственниками» привел к реконструкции вуза, и в 1927 г. он был переименован во ВХУТЕИН. Параллельно с московским вузом эволюционировал и его ленинградский собрат, созданный на базе Академии художеств и с 1922 г. также именовавшийся ВХУТЕИНом. На выставке он представлен работами из семьи студентов Ю.Великанова и Т.Тимофеевой: в них гораздо более ощутимо присутствие академического начала, в то время как в московском институте после ухода Фаворского с ним стали активно бороться, направив, в частности, силы живфака и полиграффака на «политические» жанры.

Помимо выставки музея МАрхИ, другая большая экспозиция юбилейного фестиваля проходила в Аптекарском приказе Музея архитектуры им. А.В.Щусева. Если первая акцентировала учебный процесс, то вторая – сопутствующую ему архитектурную графику как самое искусство. Куратор И.Чепкунова объединила в экспозиции работы учителей и учеников ВХУТЕМАСа. В их числе – многократно цитированный дом-коммуна Н.Ладовского, дипломный проект Г.Крутикова «Летающий город», показанный на международной выставке в Париже 1925 г. Рабочий клуб А.Родченко, проект «Красного стадиона на Ленинских горах» М.Коржева, Институт им. Ленина И.Леонидова и др. Помимо графики на выставке встретился и особо популярный в 1920-е жанр коллажа, тон которому задавали тот же Родченко или Г.Клуцис. Например, в духе коллажа выполнен проект курортной гостиницы Н.Соколова или исследовательская часть диплома Крутикова.

Выставка под названием «ВХУТЕМАС: Мысль материальна», главным образом, подчеркивает преемственность первого и единственного поколения студентов ВХУТЕМАСа и их преподавателей. Удивительно, как эти вчерашние ученики, принятые в институт на голом энтузиазме, не просто воспринимали - буквально ухватились за новые авангардные идеи, как творчески их переосмыслили и всего за пять-шесть лет сформировали второе полноценное поколение лидеров авангарда – среди них И.Леонидов, Г.Крутиков, М.Коржев и другие. Остается додумывать, какая генерация могла бы вырасти вслед за ними, если бы не распад ВХУТЕМАСа на несколько профильных вузов в 1930-м (МАрхИ, Текстильный, Полиграфический институт и др.), а затем и известное постановление о творческих группировках, соединившее некогда свободные объединения, вроде ОСА, АСНОВА, АРУ, в СА СССР с совсем иной идеологией.

Наталия Коряковская,
Archi.ru

САМЫЙ ЗЕЛЕНЫЙ ПРОЕКТ

17–18 ноября в МИВЦ «ИнфоПространство» (Москва) прошел Первый международный фестиваль инновационных технологий в архитектуре и строительстве «Зеленый проект-2010». Его главной целью было знакомство российских архитекторов с достижениями и принципами «зеленого строительства».

Проекты, в которых так или иначе задействованы «зеленые» технологии, составили основную экспозицию фестиваля. Сгруппированные в несколько блоков – «проекты», «реализации», «градостроительные проекты», «концептуальные проекты», – они заняли собой практически все пространство МИВЦ. В более практическом русле заявленную тему развивали стенды компаний-производителей ресурсосберегающих материалов и технологий, а также инсталляция мастерской таф из вручную обтесанных бревен, среди которых были размещены фотографии аналогичных «протоформ».

Нужно отдать должное организаторам фестиваля – собранное ими огромное количество «зеленых» проектов полностью развеивает стереотип о том, что в России сегодня нет экологической архитектуры. Наоборот, представленная экспозиция убедительно доказала, что этот жанр знаком отечественным проектировщикам не понаслышке. И, пожалуй, самым приятным открытием стало то, что, как минимум, половина работ выполнена в регионах, включая самые отдаленные.

Обилие отечественных проектов и концептуальных предложений органично дополнили реализации зарубежных архитекторов: знаменитого инженера Вернера Зобека (сотрудники его бюро провели в рамках фестиваля мастер-класс), немцев Albert Speer & Partner и Bollinger + Grohmann, итальянца Микеле Пиччини, голландцев IHS, американцев GNG Design consultants. Именно эти объекты вполне предсказуемо и завоевали первые места в разделе «Постройки» смотра-конкурса лучших произведений «зеленой» архитектуры. Россияне в этой номинации смогли претендовать лишь на третье место – его разделили Михаил Хазанов с проектом реконструкции административного здания в Гагаринском переулке и архитектурное бюро «Архитектор Хатунцев и Товарищи» с проектом жилого дома в деревне Усково.

А вот в номинации «Проекты» российские архитекторы, наоборот, обошли иностранных коллег. Так, диплом I степени был присужден мастерской «Сергей Киселев и Партнеры» за проект комплекса особняков в Юрмале (Латвия), диплом II степени – «Архитектурной мастерской Цыцина» за проект реконструкции объекта «Водонапорная башня» в Санкт-Петербурге и приспособление его под камерный общественный концертно-выставочный центр «Зеленая волна», а диплом III степени достался АМ «Атриум» за проект оздоровительного отеля во Владимирской области. Отметим, что архитекторы Антон Надточий и Вера Бутко стали лауреатами «Зеленого проекта»-2010 дважды: в номинации «Градостроительные проекты» дипломом I степени был награжден выполненный АМ «Атриум» проект экорайона «Олимпийский» в Краснодаре.

Одной из самых интересных номинаций на фестивале оказались «Концептуальные проекты», продемонстрировавшие почти безграничную фантазию российских архитекторов и их готовность экспериментировать с применением новых технологий. Так, «Архитектурная мастерская Александра Ремизова» представила проект «Ковчег» – энергоавтономную мембранную сферу, способную выдерживать землетрясения и поднятие уровня мирового океана. Архитектор Павел Казанцев из Владивостока продемонстрировал проект индивидуального жилого дома с солнечным отоплением «Экодом Solar-5» – он разработан специально для умеренно-холодной климатической зоны юга Дальнего Востока, а его архитектура способна видоизменяться в зависимости от движения солнца в течение года и сезонной смены ветров. Еще два экспериментальных градостроительных проекта представила «Архитектурная мастерская А.Асадова» – серию «зеленых» домов-островов, которые могут быть размещены в любом прибрежном морском пространстве, и концепцию доступного экологичного жилья «Лоскутки», основанную, как утверждают сами авторы, на принципах «природной самоорганизации». Заслуживают внимания и такие футуристические концепции по возвращению городам зеленого покрова, как «Зеленый город» Татьяны Шарко и «Новая земля» Тимура Башкаева.

В первом случае все здания предлагается поднять на мощные опоры для того, чтобы под домами разбить сады, парки и скверы, а Т.Башкаев, наоборот, предлагает накрыть многочисленные промышленные зоны мегаполисов платформами, верхний уровень которых представляет собой непрерывный ландшафт, свободный от уличного транспорта.

В рамках фестиваля состоялась презентация III Международного архитектурного конкурса Holcim Awards for Sustainable Construction. Состязание, общий призовой фонд которого составляет 2 миллиона долларов, призвано найти на каждом континенте планеты архитектурные проекты, соответствующие требованиям устойчивого развития. И, как резюмировал по итогам знакомства с экспозицией «Зеленого проекта» президент фонда Holcim Эдвард Шварц, у российских архитекторов есть все основания претендовать на эту награду.

Holcim Group – глобальный концерн, являющийся одним из ведущих мировых производителей строительных материалов, в частности, цемента и бетона. Конкурс в поддержку устойчивой архитектуры компания проводит с 2005 года – «зеленые» проекты в области индивидуального и коммерческого строительства, а также градостроительства оцениваются раз в три года, сначала на региональном уровне, а затем в «общемировом зачете». Представленные на конкурс проекты оцениваются по пяти основным критериям. Это инновационность и экологичность используемых материалов, применение энергосберегающих технологий и сохранение окружающей среды, экономическая эффективность, эстетичность и оригинальность архитектурно-дизайнерского решения, а также «обоснованное стремление улучшить социальные и культурные условия проживания».

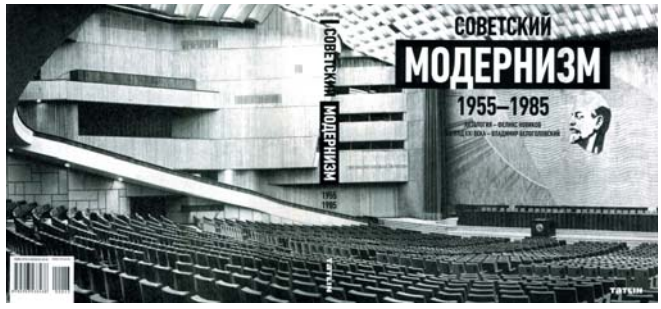
Как рассказал Э.Шварц, конкурс сознательно делает ставку на архитектурные проекты или строящиеся объекты, а не уже возведенные здания. «Нас интересуют технологии завтрашнего дня и их применимость в архитектуре, – поясняет г-н Шварц. – В проекты, разрабатываемые в настоящий момент, естественно, проще внести изменения и усовершенствования, в том числе с точки зрения энергоэффективности, чем в уже построенные объекты. Вот почему единственным условием подачи работы на наш конкурс являются (помимо использования экологичных технологий, конечно) сроки ее реализации». Для участия в Holcim Awards 2010, нужно, чтобы проект еще не был реализован или чтобы строительство было начато не раньше июля 2010 года. Отдельная номинация под названием «Next Generation» открыта для проектов, разработанных в рамках университетских программ старших курсов (с 4-го и выше).

Заявки на участие в конкурсе Holcim Awards for Sustainable Construction принимаются через интернет-портал конкурса www.holcimawards.org до 23 марта 2011 года. Официальным языком состязания является английский, однако в нашей стране у него есть координатор – ОАО «АЛЬФА ЦЕМЕНТ» – готовый оказать российским архитекторам всю необходимую помощь.

Анна Мартовицкая,
Зам. гл.редактора Архи.ру

«СОВЕТСКИЙ МОДЕРНИЗМ: 1955-1985»

Благодаря энергии Феликса Новикова в преддверии фестиваля «Зодчество-2010» свет увидел фолиант, собравший под своей обложкой 100 объектов архитектуры последних советских десятилетий.



Все помнят инициированную Феликсом Ароновичем и поддержанную МААМ выставку «Советский модернизм», состоявшуюся в 2006 г. в МУАРе, и сопровождавший ее каталог, сделанные главным образом усилиями Андрея Гозака при участии журнала «Архитектурный Вестник». На этом один из героев архитектурного процесса тех лет не остановился, он привлек к работе над новым, более развернутым изданием американского архитектора и критика Владимира Белоголовского. Молодой соавтор подготовил заключительный раздел книги под названием «Взгляд из XXI века. Последний стиль империи». Он вводит советскую архитектуру в широкий международный контекст, прослеживая логику творческих заимствований и вдохновений и стремясь выявить, что, собственно, нового и особенного привнесла позднесоветская архитектура в мировую архитектурную практику. Впрочем, как замечает автор, на то, чтобы исчерпывающе ответить на данный вопрос, понадобятся специальные исследования.

В вводном же тексте Ф.Новиков развивает и уточняет основные положения, сформулированные им в предшествующих публикациях, вышедших в том числе в журнале «АВ». Предъявлена логика эволюции архитектуры на пересечении двух исторических оптик: на впечатления непосредственного участника архитектурной жизни 1950 - 1980-х гг. накладывается рефлексия нашего современника, пытающегося доискаться, как все было «на самом деле». Ценные свидетельства очевидца событий переплетаются с концептуальным видением, несущим отсвет нынешней эпохи.

Основной массив книги составляют 100 избранных произведений позднесоветской архитектуры. Сколь бы ни был представителен перечень отобранных работ и кто бы ни проводил такую селекцию, за его пределами обязательно останутся достойные объекты и стоящие за ними мастера. В рецензируемом издании, к примеру, оказались обойденными (как нам казалось, невольно) вниманием достаточно значимые для позднесоветской архитектуры фигуры: В.Лебедева и М.Былинкина, А.Ларина и А.Щеглова. Бросается в глаза отсутствие таких видных реализаций, как советский павильон на Всемирной выставке в Осаке М.Посохина, микрорайон «Лебедь» в Москве А.Меерсона, санатории «Красная Пахра» и «Отрадное» в Подмосковье И.Чернявского, Дом туриста в Москве В.Кузьмина, Дворец бракосочетаний в Ленинграде Б.Устинова, пансионат «Понизовка» в Крыму В.Жилкина. Бесспорно, список может быть продолжен. В то же время у кого-то, напротив, могут возникнуть обоснованные претензии к некоторым включенным в альбом постройкам. Впрочем, Ф.Новиков, предвидя возможные недовольства, специально оговаривает заведомую субъективность своего выбора – более того, акцентирует внимание (уже в личной переписке) на том, что большая часть из вышеперечисленных объектов вовсе не «невольно» обойдена вниманием – так, здание речного пароходства М.Былинкина ему представляется менее выразительным, чем попавший в издание Дворец выставок в Вильнюсе, а павильоны в Монреале и Осаке несут в себе не приемлемую им ложную пафосность.

Не могу удержаться, чтобы не высказать соображение методологического свойства. В представленной панораме, а также в сопроводительном тексте отсутствует такое замечательное явление позднесоветской эпохи, как НЭР, и – соответственно – стоящие за ним имена А.Гутнова, И.Лежавы, А.Бабурова, З.Харитоновой и др. Понятно, что альбом имеет в качестве заявленной цели демонстрацию реализованных объектов. Тем не менее, в общем ряду присутствует и проект комплекса административных зданий на Тургеневской площади в Москве Ф.Новикова и И.Покровского, относящийся ко второй половине 1960-х – 1970-м гг. - и то, что с ним сталось впоследствии, в 1990-е гг. Так вот, с точки зрения предъявленности историко-архитектурной эпохи, полноты ее характеристики, равно как и справедливой оценки вклада советской архитектуры в общемировую копилку, НЭРовский эксперимент трудно переоценить. Другое дело, под каким соусом в данном случае его подать. Но уж не упомянуть-то вовсе никак нельзя, тем более что о феномене бумажной архитектуры, отмечающей начало уже следующего, постмодернистского, поворота, пусть и датированного концом 1970-х - началом 1980-х гг. – в книге говорится.

Заметим здесь же, что так же как и архитектурное наследие 1950 – 1980-х гг. служит ресурсом и источником вдохновения для целого ряда современных мастеров – от А.Бокова и А.Скокана до Ю.Виссарионова и Н.Лызлова, так и НЭРовские линейные города питают нынешнюю урбанистическую мысль – достаточно вспомнить концепции «Сибстрима» и «МоскоПита» И.Лежавы, М.Хазанова и М.Шубенкова. Впрочем, как справедливо замечает Ф.Новиков, градостроительная тематика в книге отсутствует, и было бы несколько странно делать для кого-либо – пусть и более чем достойного - исключение.

Возвращаясь к рецензируемому труду: каждая из реализаций сопровождается краткой аннотацией, в подавляющем большинстве они принадлежат самому Ф.Новикову. Есть, однако, и тексты, взятые им из книг А.Иконникова и И.Шишкиной еще 1970 – 1980-х гг., что при всем уважении к этим выдающимся исследователям вызывает некоторое недоумение, выглядит неким непонятно как попавшим на страницы издания подстрочником.

Нельзя не обратить внимания и еще на один досадный момент, а именно – крайнюю неоднородность чисто технического качества ряда фотоиллюстраций (проектная графика в альбоме сознательно отсутствует), пусть они в большинстве своем и заимствованы из архивных источников и датированы тем же позднесоветским временем. Хотя этот упрек целиком и полностью адресован не авторам, а художнику книги, умудрившемуся раздуть на полосу, а то и на разворот фотографии, с трудом выдерживающие минимальный «половинный» формат. Тем самым иллюстративный ряд не только не приведен к «общему знаменателю», не выровнен, что сегодня является стандартной препресс-процедурой, но наоборот – разнобой в качестве фотосъемки оказывается дополнительно педалированным. Кроме того, не так уж мало для столь фундаментального издания очевидных издательских неопрятностей, включая опечатки.

Все эти придирки не умаляют значимости данного труда, как явствует из аннотации, рекомендованного к прочтению ведущими архитектурными критиками мира. Кстати, некоторые из них с ним уже ознакомились – в частности, добрые слова напутствия предпослали альбому Чарлз Дженкс, Жан-Луи Коэн и Александр Рябушин (еще один выдающийся теоретик, Кеннет Фрэмптон, также прислал свой отзыв, но он чуть припоздниился и в книгу не вошел).

В заключение заметим, что данная работа опередила еще одно издание, посвященное зодчеству 1950 - 1980-х гг., которое в настоящий момент готовится к выпуску С.Ткаченко и Н.Малининым в издательстве «Улей».

Дмитрий Фесенко

Советский модернизм: 1955-1985. Антология – Ф.Новиков. Взгляд из XXI века – В.Белоголовский. – Екатеринбург, Tatlin, 2010. – 232 с. с илл.

АРХИТЕКТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ – НА ГРАНИ КАТАСТРОФЫ

Последний пленум СА России был посвящен проблемам профессионального образования, пребывающего в критической точке развития. С того времени – а прошло всего-то несколько месяцев – ситуация только обострилась. В связи с чем в середине января САР организовал пресс-конференцию на эту тему.

Открыл ее **президент САР А.Боков**, подчеркнувший, что пограничное состояние – между жизнью и смертью, в котором оказалась профессия, не наблюдалось даже в самые глухие времена. В настоящий момент в России, согласно общим прикидкам, порядка 15-16 тысяч архитекторов (для сравнения: в ЕС с его 300 млн жителей – свыше 500 тысяч). Многие выпускники архитектурных школ уходят из профессии, другие мигрируют в смежные специфические сферы типа интерьер-дизайна. При том что качество архитектурного проектирования оказывается крайне низким.

Ректор МАрхИ Д.Швидковский охарактеризовал положение, в котором оказалось архитектурное образование – на грани катастрофы. Согласно готовящемуся Закону об образовании, упраздняющему статус Академии, архитектурные вузы ждет автоматическое «опускание» до уровня институтов, в которых не предусмотрена подготовка магистров, нет Ученого совета и т.п. Однако буквально в самое последнее время надежда забрезжила – появился шанс, что за художественными вузами оставят прежний, академический, статус. Но вот проблема – в соответствии с классификатором, архитектурные вузы относятся к техническим специальностям.

Как отмечает **президент РААСН А.Кудрявцев**, переход на болонскую двухступенчатую систему образования по-прежнему вызывает вопросы у потенциальных работодателей, которым не нужны ни магистры с их уклоном в исследовательскую плоскость, ни бакалавры как «недоучившиеся».

Профессор МАрхИ Е.Баженова поднимает тему СРО, которые сразу по появлении превратились в коррумпированные институты. Корень проблемы в том, что во всем мире саморегулируемые организации объединяют физических лиц, у нас же – юридических. Как настаивает **вице-президент САР А.Бавыкин**, поставленная задача регенерации профессии немыслима без восстановления института лицензирования физлиц как элемента непрерывного архитектурного образования.

Этот консилиум у постели тяжело больного завершил **А.Боков**, констатировавший резонансное совпадение внутрипрофессиональных тезисов и внешних обстоятельств – политических, экологических, социокультурных. Впрочем, помимо постановки диагноза САР предпринимает практические шаги по созданию системы непрерывного профессионального образования. В частности, подготовлены поправки в новый закон об образовании; с Министерством образования и науки РФ достигнуто соглашение об участии представителей Совета САР по образованию в рабочей группе по подготовке закона, разработано Положение о квалификационной аттестации физических лиц на добровольной основе и выдаются квалификационные аттестаты; начата работа по созданию стандарта профессии в России; принято решение о запуске пилотного проекта по созданию рейтинга архитектурных школ. В ближайшее время Союз планирует ввести для архитекторов двухступенчатую систему образования, состоящую из академической ступени - высшей школы, и практической – стажировки на рабочем месте, завершающейся демонстрацией знаний с целью включения в формируемый реестр квалифицированных архитекторов.

«МЕГАПОЛИС, ТРАНСПОРТ... А ВЕЛОСИПЕД?!» По итогам дискуссии

8 октября Лабораторией градостроительных исследований МАрхИ в рамках 5-ого ежегодного Московского Фестиваля науки проведена открытая дискуссия, посвящённая перспективам развития велосипедного движения. Предметом обсуждения стала тема: «Стоит ли всерьёз развивать велосипедное движение в Москве?».

Обсуждение проводилось в форме диалога заинтересованной публики и приглашённых экспертов с различными точками зрения на роль велосипеда в мегаполисе. Вёл обсуждение зав. лабораторией Фёдор Кудрявцев.

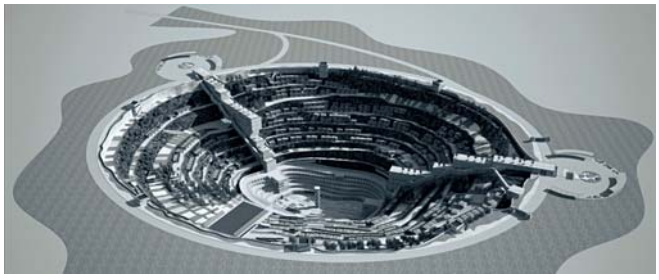
Дискуссия позволила впервые увидеть весь диапазон мнений о перспективах велотранспорта в Москве: от полного отказа рассматривать его как нечто серьёзное до признания приоритетным инструментом решения транспортных проблем. Такая полярность точек зрения отражает общую ситуацию: если 43% москвичей готово использовать велосипед как основной (!) вид транспорта (опрос портала Superjob.ru, весна 2010 г.), то, одновременно, оценка доли велотранспорта в общем объёме трудовых миграций даёт величину, близкую к нулю (1-1,5%, ГУП «НИиПИ Генплана г.Москвы»).

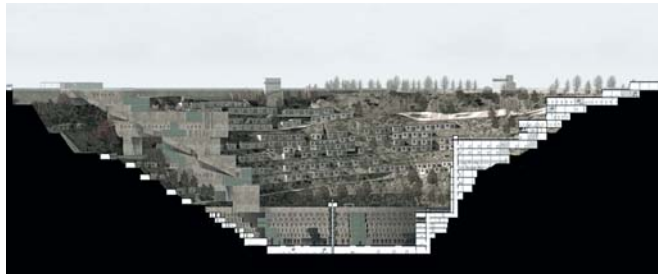
По результатам обсуждения определены общие стартовые позиции для развития велосипедного движения в столичном мегаполисе. Прежде всего, следует сказать, что значительная часть жителей Москвы благожелательно относится к использованию велосипеда для локальных перемещений рядом с домом, преимущественно не связанных с поездками на работу (прогулки, покупки, посещение мест отдыха и т.п.). Благоустройство городских территорий, прежде всего жилых, в целях создания условий для велосипедного движения сделает жизнь москвичей удобней благодаря большему выбору средств передвижения по городу и удовлетворению, получаемому от полезных для здоровья велосипедных поездок.

В то же время возможность превращения велосипедного движения в Москве в полноценный вид транспорта общегородского уровня, способный взять на себя значительную долю общего пассажиропотока (согласно Брюссельской хартии, принятой по итогам конференции Velo-city 2009 – не менее 15 %), пока остаётся спорной. Для этого необходимо, чтобы комфортная дистанция для поездки на велосипеде по городу в один конец была сопоставима или больше, чем среднее расстояние между местом жительства и работой. Согласно эмпирическим данным, это условие сейчас не выполняется (8-10 км, по оценкам Велотранспортного союза, и порядка 15 км, по данным НИиПИ Генплана г.Москвы). Можно ли преодолеть эту ситуацию за счёт развития инфраструктуры велотранспорта или для этого требуется перестройка всей функционально-планировочной структуры города, сказать в данный момент невозможно из-за отсутствия подтверждённых исследованиями ключевых данных: пределов транспортной доступности для велосипеда в условиях Москвы и возможности интеграции велосипедного движения с общественным транспортом.

От обмена идеями происходит постепенный переход к практическим действиям: Москомприроды приступает к проектированию велодорожек на территориях природного комплекса, коммерческими организациями рассматривается возможность создания платных велопарковок у станций метро, развивается ряд некоммерческих проектов поддержки велосипедного движения в Москве.

Видеозапись обсуждения размещена на http://velotransunion.ru/node/903





МИФОПОЭТИЧЕСКОЕ НАЧАЛО И МЕТАФОРИКА ПО-ПРЕЖНЕМУ В ЦЕНЕ

Российский диплом завоевал Archiprix-2011

Редко бывает, чтобы проект – неважно, концептуальный или реалистический – встречал всеобщее одобрение, если не сказать – восхищение. Диплом выпускницы МАрхИ Кристины Ишхановой «Пенитенциарное учреждение» (рук. проф. О.Р.Мамлеев, доц. П.В.Романов, преп. Н.Белугина) собрал полдюжины грамот – начиная от Союзов архитекторов и дизайнеров РФ и заканчивая Международным фондом им. Я.Г.Чернихова и Поволжской гильдией архитекторов и проектировщиков. Теперь к ним добавилась престижная премия Archiprix International 2011.

В американском конкурсе участвовало более 300 дипломных проектов из 70 стран. Из них жюри в составе Юнг Хо Чанга, К.Гупта, Ксиангинг Ли и Р.Нельсона остановили свой выбор на 24 лауреатах, 19 же работ в ходе голосования выбрали сами конкурсанты. Проект К.Ишхановой вошел в оба списка.

Что же лежит в основе такого необычайного единодушия? Притом что тема «реально-конкретной» пенитенциарной архитектуры занимает на Западе и в России абсолютно разные ниши: там ей посвящены целые номера архитектурных журналов, у нас же снятие табу советского времени мало что изменило – публикаций на эту тему как не было, так и нет. Заметим в скобках, что тюрьма – как известно, это модель, слепок общества, и ее устройство и типологические особенности, на самом деле, небезынтересная исследовательская тема со множеством как сугубо профессиональных, так и культурологических ракурсов – но кто ж туда допустит?

Очевидно, работа К.Ишхановой привлекает, как минимум, двумя обстоятельствами – узнаваемой мифопоэтической основой и неординарной архитектурной метафорикой. По отзыву заведующего кафедрой МАрхИ, профессора О.Р.Мамлеева, подавляющее большинство, взглянув на проект, тут же опознает в рудниковом карьере дантов ад – настолько этот образ растворен и, можно сказать, актуализирован в коллективном бессознательном. В то же время - неизбитость, незамутненность и поразительная формульная точность метафоры: от низшей точки человеческого падения через подневольный упорный труд к исправлению и возвышению в прямом и переносном смыслах. Предусмотрен четырехстадиальный путь наверх, к «прямохождению» – от исправительной колонии строгого режима до колонии-поселения. Подробно разработанные жизненные сценарии для заключенных с первой по четвертую ступень проецируются и на архитектуру: от устройства камер – вплоть до поэтапного увеличения габаритов окон, до состава общественной инфраструктуры, включая образовательную и спортивную. Позволим себе поиронизировать: пожалуй, единственное, чего не хватает такому авторитетному коммьюнити – это светопрозрачного покрытия с фотоэлементами, как у Н.В.Лютомского в его экогороде в районе Мирного, Саха-Якутия на месте кимберлитового карьера: не жизнь была бы, а малина. Автор верит, что, попадая в колонию как патологический разрушитель, заключенный получает возможность научиться делу созидания – начиная от теории и заканчивая практикой, и выйти на свободу уже не только «с чистой совестью», но и с реальным опытом конструирования новой жизни.

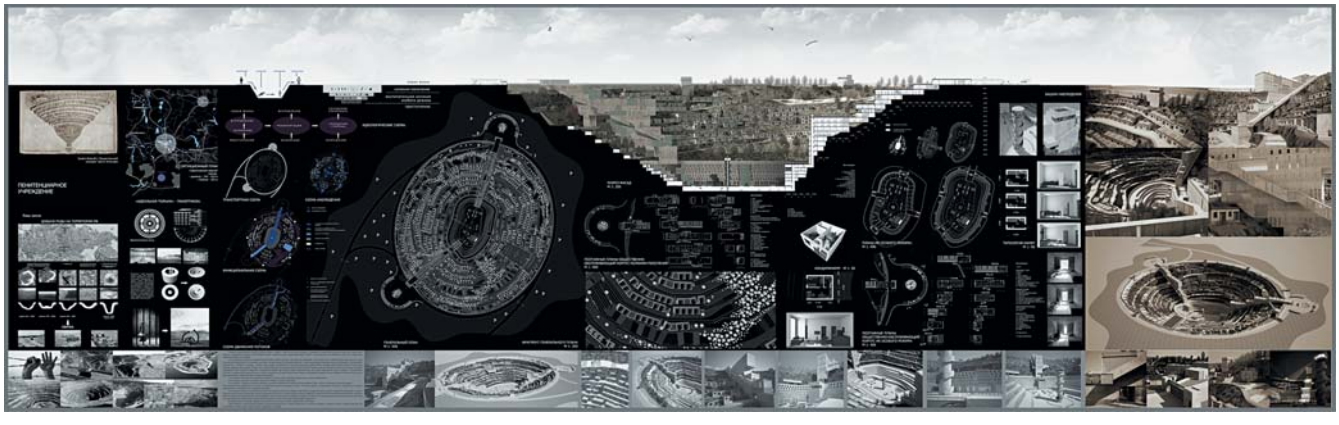
Понятно, что в стране, где две трети законопослушных граждан живут в худших условиях, чем в данной образцово-показательной колонии люди, так скажем, оступившиеся, все это выглядит, как минимум, прекрасно-душно-утопически. Но никто ведь и не обещал приносить пользу – и немедленно. Тем более в рамках концептуального проектирования, по определению не предполагающего прикладных выходов.

А впрочем, почему бы и нет? Может, кто-нибудь там, у них и рискнул бы попробовать устроить нечто подобное где-нибудь, скажем, в районе Рура. С гуманитарными, а не исключено, что и с коммерческими целями – в качестве, так сказать, уникального аттракциона, он же местная достопримечательность. А контингент, будьте уверены, в ближайшие годы с раскручиванием спирали мирового финансового кризиса будет обеспечен с избытком.

И в конвейерном режиме – требуемый бесперебойный подпор с Юга имеется.

Остается добавить, что в конце мая – начале июня 2011 г. в Нью-Йорке пройдет воркшоп с участием конкурсантов, после чего 9 июня в Музее Гуггенхейма состоится церемония награждения победителей. Вслед за этим Массачусетским Технологическим институтом будет организована передвижная выставка работ и издана книга «Archiprix International Cambridge USA».

Дмитрий Фесенко



ИДЕИ ДЛЯ ИННОГРАДА

Для участия в конкурсе на концепцию иннограда в Сколково, который проницательные наблюдатели именуют оффшорным поселком Рублевкой-2, еще летом было отобрано из 27 участников 6 команд. В конце декабря они представили свои предложения на суд жюри. Были выбраны два полярных проекта, в которых профессионально-идеологическая позиция была заявлена наиболее артикулированно. OMA выдвинула гиперурбанистическую модель, обрученную с прокламируемым технократизмом, AREP со своим соотечественником М.Девинем – дезурбанистическую, этот самый технократизм микширующую, сглаживающую. Если у голландцев жилье и работа в лице пяти научных направлений, озвученных президентом РФ еще весной, позонно разведены, то французы предлагают организовать пять автономных поселений – каждое со своим исследовательским кластером, разбросанных по ландшафту и объединенных зеленой осью бульвара. Вот только разумно ли в эру постнеклассического знания разводить ученых по своим «захваткам»? Несмотря на такую отчетливую антиномичность, оба проекта имеют и нечто общее, отличающее их от прочих претендентов. Речь идет о заложенной в них открытости, возможности последующего развития. Быть может, последнее обстоятельство сыграло свою роль в выборе жюри. Что касается окончательного решения, то оно предоставлено главному заказчику и интересанту…

УКОР ИЛИ НАПОМИНАНИЕ?

В самом конце 2010 г. на Поклонной горе по инициативе В.Путина был установлен памятник «В борьбе против фашизма мы были вместе». Идея его создания возникла после того, как в Грузии был взорван кутаисский мемориал Славы, посвященный памяти советских солдат, погибших в Великой Отечественной войне. Изначально планировалось его доподлинное воссоздание, но по причине проблем с авторскими правами и отсутствия необходимых чертежей было решено объявить конкурс на памятник, отражающий причастность всех народов Советского Союза к победе в войне, результаты которого опубликованы в АВ, 2010, №4. В результате московский памятник имеет мало общего со своим предшественником. Композиционным центром монумента является скульптурная группа «Егоров и Кантария водружают знамя над Рейхстагом». Боковые барельефы воспроизводят известные фотографии низложения фашистских знамен и ликующих воинов Советской армии на ступенях Рейхстага. Расположенная позади скульптурной группы стелла с полукруглым завершением связывает памятник с кутаисским мемориалом. На расходящихся от нее по периметру монумента пятнадцати кубах изображены памятники, которые в разное время были установлены в столицах бывших союзных республик.

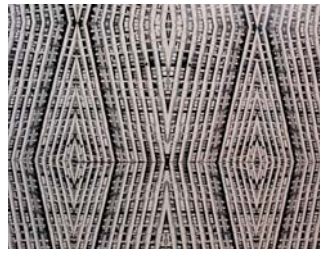
КОНКУРС НА РУССКИЙ КУЛЬТУРНО-РЕЛИГИОЗНЫЙ ЦЕНТР В ПАРИЖЕ

В конце декабря 2010 г. были объявлены результаты международного конкурса проектов на создание российского духовно-культурного центра в Париже. Участок под строительство, общая площадь которого составляет 4 тысячи кв.м, расположен в самом центре французской столицы, по соседству с Музеем на набережной Бранли. Сейчас он занят корпусами компании МетеоФранс, построенными в первой половине XX в. Он был приобретен Управделами президента РФ еще в феврале. Из более ста поступивших проектов в десятку финалистов вошли по четыре российских и французских команды и две международные. На наш взгляд, выделялись две французские работы и две, принадлежащие русско-французским коллективам. Один из наиболее революционных проектов представил Фредерик Борель, предложивший «завернуть» церковь в белые бетонные складки, словно в покров. Другая звезда - Руди Риччиотти – предлагает вырастить из бисквита-основания пять по-биоморфному сворачивающихся куполов, возможно, с его точки зрения, отсылающих к иконографии собора Василия Блаженного. Михаил Филиппов (Россия) и Сергей Митрофанов (Франция) насыпают дом-гору, в который вошла вся культурная и административная начинка, а над ней возвышается пятикупольный неоклассицистический храм, вступающий в диалог с Эйфелевой башней. «Моспроект-2» им. М.В.Посохина напару с бюро «Вильмонт и партнеры» предложили эффектную урбанистскую структуру, современную по языку, но – одновременно – отсылающую к русской традиции храмостроительства. В настоящее время отобранные творческие коллективы заняты доработкой проектов. Окончательный победитель будет объявлен в марте этого года.

СТРОИТЕЛИ ВЕЗДЕ ОСТАЮТСЯ СТРОИТЕЛЯМИ

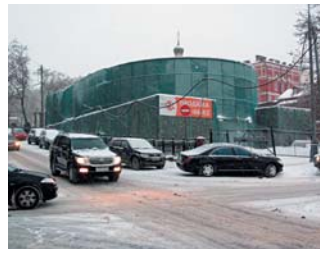
Сохранение памятников архитектуры и борьба с разрушением исторической среды – это извечно больная тема. Не только для Москвы и Санкт-Петербурга.
Ситуация, произошедшая в Красноярском крае, воспроизводит извечные сюжеты. Союз строителей намерен обратиться к губернатору региона Льву Кузнецову с просьбой пересмотреть отношение к культурно-историческим памятникам краевого центра. По их мнению, большинство деревянных домов в центре города попали в список охраняемых объектов по ошибке, и их можно снести безо всякого вреда для исторического облика города.
Власти, в свою очередь, убеждены, что столь важное решение нельзя принимать скоропалительно: должна быть проведена тщательная экспертиза, причем спешить с ней не будут. «Если и производить какие-то мероприятия по изменению исторического центра, то они должны быть максимально публично обсуждены, должны вписываться в архитектурную логику города», - заявляет губернатор края. Тогда как пресс-служба строителей уверяет, что «такая неопределенность тормозит развитие города», который нуждается в новой застройке, строительстве и реорганизации магистралей и развязок.

«2, 10»



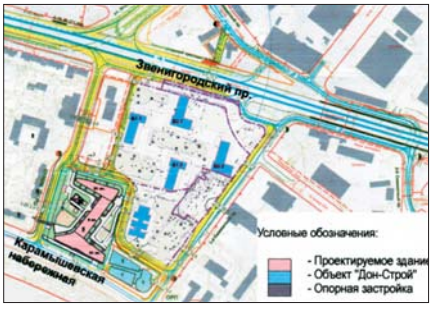
Одним из событий, ознаменовавших окончание 2010 г., стала выставка «2,10». Своим названием она отсылала к прошедшей в 1915 г. выставке «0,10», где впервые был представлен на суд публики «Черный квадрат» Малевича.
«2,10» – это попытка современных художников Москвы и Петербурга осмыслить наследие авангарда и вписать его в сегодняшнюю жизнь. Экспозиция нашла пристанище в стенах интерьерного салона Teak House. И, по словам организаторов, создание «квартирной» обстановки вовсе не случайно. Важно было показать, что современное искусство может существовать не только ради самого себя, оно может быть составной частью интерьера, подчиняясь ему и дополняя его. Именно авангарду принадлежала мысль о том, что пространство, в котором мы живем, до последней бытовой мелочи может и должно быть переосмыслено и реорганизовано при помощи искусства.
Представленные на выставке работы демонстрируют современное искусство во всех его возможных проявлениях – от видео-арта до предметов мебели, от живописи до инсталляций.

САМОСТРОЮ НА РОЖДЕСТВЕНСКОМ БУЛЬВАРЕ ПОШЕЛ ВТОРОЙ ДЕСЯТОК



В последние дни уходящего года московские градозащитники объявили «Рождественскую акцию»: исторический ландшафт Трубной площади и вид на начало Рождественского бульвара продолжает портить «жук-навозник» – звучит призыв его убрать. «Жуком» москвичи обидно прозвали расположенный здесь нефункционирующий самострой. В 1996-м, в преддверии празднования 850-летия столицы, на этом месте собирались построить каскадный фонтан и одноэтажное кафе на 75 мест вместо бывшей полуподземной уборной. Стройки не случилось. В 1997-м Москомприроде удалось настоять на том, что «изъятие озелененной территории памятника садово-паркового искусства не обосновано». Вскоре перспективы снова изменились: худсовет при главном архитекторе одобрил здание кафе при условии, что сохранятся функции общественного туалета, в габаритах которого должен был разместиться теперь весь комплекс. «Культурно-развлекательный центр с рестораном и фонтаном» – таково его новое название. Разумеется, площадь застройки с 1996-го возросла с 590 м² - сначала до 770 м² в 1999, а затем после приобретения объекта в 2001 г. фирмой ООО «Гелионет» - до 2205 м². Позже оказалось, что они вовсе переросли в 3388 м². Два года назад строительство практически завершилось. Рядом со стеклянно-бетонным «жуком» высотой почти в 7,5 м – пара венткамер, чернеет котлован, вырублены деревья; на спуске Рождественского бульвара по-прежнему перекрыта левая полоса проезда. Москомнаследие предписало прекратить строительство длиной в десятилетие, но пока все безрезультатно.

Рубрику подготовили Анисия Борознова и Маргарита Чубукова



Не наступайте автору на горло!

Последний Архитектурный совет минувшего года ознаменовался чествованием лауреатов Премии имени А.Гутнова за 2009 год.

1. За разработку предложений по формированию в Москве системы документов стратегического планирования, обеспечивающей взаимосвязь социально-экономического прогнозирования и территориального планирования, лауреатами Премии А.Гутнова стали В.Я.Беккер, И.В.Фоменко, О.А.Демченко, М.Е.Иванов, Н.Б.Зюкова, К.М.Лауфер,И.А.Бахирев, О.Б.Воронцова, Е.В.Лебедева, К.Н.Ненарокова.
2. За разработку системы научно-методического обеспечения Градостроительного кодекса Москвы Премию А.Гутнова получили А.В.Кузьмин, Г.С.Юсин, М.И.Москвин-Тарханов, Ю.В.Раев, О.А.Баевский, О.П.Моисеева, А.А.Алексеева, В.В.Гурская.
3. За проект Генерального плана Нижнего Новгорода Премии А.Гутнова удостоены С.Б.Ткаченко, А.Н.Колонтай, Л.А.Жилякова, Е.И.Шайдуллина, Д.В.Степанушкин, Ю.З.Шершевский, А.С.Мордвин, С.В.Ляптяева, Л.Ф.Соколова, Ю.Г.Страшнова.

После поздравлений и ответных речей лауреатов заседание Совета пошло своим ходом.

ООО «Новый проект» вынесло на обсуждение Совета проект многофункционального жилого комплекса на Карамышевской набережной.

Проектом предусматривается строительство 6-секционного жилого дома переменной этажности с первым нежилым этажом и тремя подземно-надземными этажами, возвышающимися над поверхностью земли со стороны набережной в связи с резким понижением рельефа.

«Объёмно-планировочное решение, – объяснил **В.Ф.Пальцев**, – обусловлено требованиями инсоляции. Наземная часть комплекса представляет собой Z-образный в плане объем, состоящий из трех корпусов. Два 31-этажных корпуса образуют высотную глубинную композицию, ориентированную на Москву-реку и Звенигородское шоссе. Центральная часть – 9-этажный корпус – является связующей.

Особенность рельефа с резким понижением у набережной позволила устроить в трех подземных этажах световой фронт. Помещения в этой части заняты торгово-развлекательным и оздоровительным комплексами.

Заезды в гараж на -1-ый и -2-ой этажи, благодаря этому перепаду – без пандусов, что тоже очень удобно.

Вся площадь первого этажа отдана под сберкассу, пункт связи, аптеку, помещения социального обеспечения ветеранов.

Первоначально главный фасад разрабатывался как комбинация ленточного остекления и вертикальных окон, очень модных тогда, несколько лет назад. Впоследствии мы отказались от вертикальных проемов и сделали центральную часть более традиционной и цельной.

Согласно плану развития СЗАО до 2020 года, а также разработанной НИиПИ Генплана схеме развития территории, прилегающей к Московскому международному деловому центру (ММДЦ), данный квартал является местом, где будет образован локальный общественный центр.

Участок предоставлен Земельным комитетом РФ под строительство многофункционального жилого комплекса для сотрудников ФСБ и МВД. Заказчиком выступают УКСы ФСБ и МВД, они же являются и правообладателями этого участка».

Референт Г.В.Приймак отметила, что предложение соответствует схеме развития Большого Сити и всем необходимым условиям. Однако это частично подтапливаемая зона с присутствием суффозионных процессов.

Но автор заверил присутствовавших, что для этого здания разработаны все необходимые спецтехусловия (СТУ), и все замечания специалистов учтены. Даже ветровые нагрузки моделизировались в аэродинамической трубе.

«Какая-то градостроительная логика в решении этого комплекса имеется, – задумчиво констатировал **референт А.Р.Воронцов**, обозревая планшеты. – Налицо тенденция к застройке Карамышевской набережной. Проблема парковок решается в полном объёме. А вот колористическое решение фасадов, мне кажется, авторы могли бы сделать более выразительным, тем более что материал предоставляет большие возможности для этого. Можно попробовать поискать вариации с оттенками цвета, тона, фактуры и т.д.

В целом работа выполнена достаточно профессионально и заслуживает одобрения.

С юга комплекс выходит на Карамышевскую набережную и природно-исторический парк «Москворецкий». Так вот к недостаткам я бы отнес отсутствие связи между комплексом, который достаточно плотно сидит на участке, и этим чудесным парком. Мне кажется, надо обозначить эту связь с помощью какого-то перехода. Может, благоустройства территории. Его могли бы посещать помимо обитателей этого комплекса жители соседних домов.

Если Совет примет такое условие, мне кажется, мы могли бы поддержать этот проект».

«Относительно связи с набережной, с водой – все верно, – отметил почетный **президент САР Ю.П.Гнедовский**. – Проект, мне кажется, достаточно добротный. Но к замечаниям

Проект многофункционального жилого комплекса на Карамышевской набережной.
Проектировщик – ООО «Новый проект».
Архит. В.Ф.Пальцев, Н.Э.Айгунян, С.А.Бусалова, А.В.Катаева, В.Я.Пальцева, М.А.Пальцева, М.В.Прошин.

также хочется отнести некоторую композиционную невнятность. Форма плана – мятая. В объеме, обращенном к реке, не чувствуется определенности – то ли он ярусный, имеет движение, динамику, то ли авторы ещё не знают, будет ли это динамичная форма или нет. Нет внятной пластической формы основного фасада».

«Проект сделан достаточно грамотно, – констатировал **вице-президент СМА С.В.Миндрул**. – Все дополнительные вопросы к автору получили исчерпывающие профессиональные ответы.

Но сразу хочу сказать: ФСБ, МВД – какой он муниципальный? Это обычный коммерческий проект. Два генерала вселятся, все остальное пойдёт на продажу. Так что давайте честно – мы с вами рассматриваем нормальный коммерческий проект с нормальными коммерческими показателями. Ничего необычного в этом нет.

40 тысяч плотность – и по новому Генплану, и по ИРД не вызывает сомнений. Транспортные вопросы тоже решены вполне корректно – я имею в виду количество машиномест, загрузки, стоянки для временно прибывающих.

На что бы я просил обратить внимание. Как уже заметил **А.Р.Воронцов**, есть некая незавершенность объемно-пространственного решения. Я бы все-таки попытался выделить один из двух основных объёмов и сделать его главным. Акцентировать. Такое впечатление, что у них разные авторы. Объемно-пространственное решение – я не говорю, что оно плохое – три с плюсом. С ним бы я ещё поработал. И верхушки нет. Фасад тоже можно сделать более активным.

Эта вещь не закончена, с ней надо работать. И такая возможность здесь есть. Это же набережная. Этот вид очень важен. Здесь нет архитектурных акцентов, всё достаточно скучно кругом. Ваше здание может появиться как ограненный сверкающий бриллиант, а вы его начинаете к среде тащить. Усильте все эти архитектурные моменты, измените цвет, дайте более резкий. Устраните эту незавершенность. Не думайте, что вы все сделали. Работайте! Я бы предложил все-таки одобрить проект. Он оставляет хорошее впечатление. Но с точки зрения высокой архитектуры я бы с ним ещё поработал».

«Хочу сразу сказать, что комплекс предназначается именно для ФСБ и МВД, – отозвалась на прозвучавшее выступление **представительница заказчика**. – Земля выделялась непосредственно под строительство жилья по федеральной программе для сотрудников силовых ведомств и ветеранов. И мы как заказчик очень заинтересованы, чтобы этот объект быстрее строился.

Первые и вторые нежилые этажи предназначены для обслуживания этого комплекса, они не коммерческие. Не предусмотрено никаких помещений под аренду. Только для обеспечения комфортных условий проживающих. Чтобы данный комплекс обладал самостоятельностью.

Очень надеемся, что проект будет утверждён, и мы с авторским коллективом и строителями продолжим его реализацию».

«Это жильё для ветеранов и действующих бойцов невидимого фронта? – усомнился **член президиума ЭКОС А.А.Клименко**. – Давайте посмотрим! Этот дом выглядит здесь этаким баронетом. А ведь это замечательная набережная, очень живописное зрелище и со Звенигородского шоссе, и из Крылатского. Может, как-то поскромнее? Побольше гуманности, раз это жильё? Вы это предлагаете в застройке, где немало удач. Хорошая набережная, рядом замечательный храм. Может, чуть-чуть поработать над образом?»

«Видно, что проделана достаточно большая работа, – начал подводить черту председательствующий на заседании Совета **первый заместитель Главного архитектора Москвы М.М. Посохин**. – Причем, место очень серьёзное во всех отношениях. И участок не простой для проектирования. Видно, что авторы приложили немало сил для того, чтобы решить те задачи, которые перед ними ставил заказчик. Конечно, когда рассматривается уже стадия «Проект», помимо художественно-эстетического восприятия объекта важны показатели, которые должны соответствовать нормативам. Здесь были по этому поводу вопросы. Поэтому, я прошу всё проверить и уточнить соответствие нормам.

Что касается связи с набережной, это настолько очевидная вещь, что даже и говорить об этом как-то неловко. В своё время мы делали такие предложения по Сити, но они не были приняты. Я считаю, одним из недостатков этого комплекса являются его взаимоотношения с водой. У нас набережные постоянно отрезают застройку от природного окружения. Поэтому, если предписания Совета позволят снять эту проблему, то я прошу такую запись сделать.

По поводу решений фасадов. Не думаю, что мы должны так жестко давить на авторов. Надо все-таки более гуманно подходить к возможности авторов выразить себя. Где-то это получается, а где-то мы начинаем наступать автору на горло, хватать его за карандаш и не даём возможности себя выразить. Другое дело, что недостатки объемно-пространственного решения надо было устранять на более ранней стадии. Но я бы не согласился с оценкой, которую дал С.В.Миндрул. Поэтому у меня предложение: с теми поправками и замечаниями, которые не затрагивают в целом работу, а уточняют её в отдельных деталях – этот проект утвердить».

Подготовил Борис Киселев